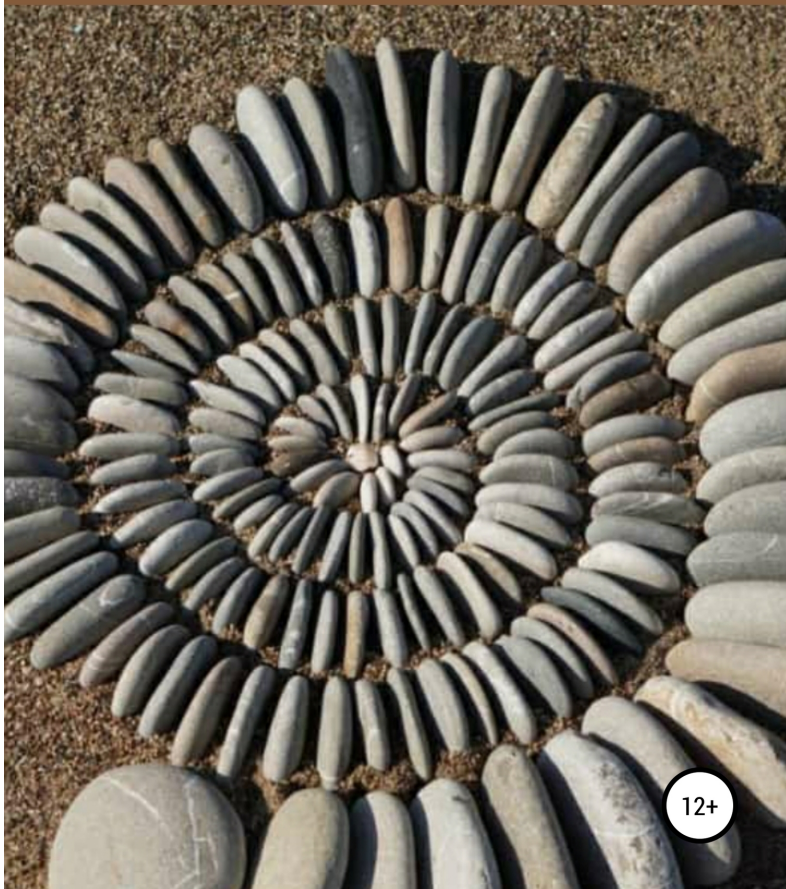

Фонина Валентина Михайловна

Богуруслан, послевоенное детство

Валентина Михайловна Фонина

Богуруслан,

послевоенное детство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63430287

SelfPub; 2020

Аннотация

По воспоминаниям Фофиной Валентины Михайловны. Учителя русского языка и литературы Приволжской школы 2. Организатора и душе Аксаковского кружка, поездок по аксаковским местам, Аксаковских чтений.

Валентина Фолина

Бугуруслан,

послевоенное детство

Жизнь сложилась так, что откладывала очень долго эти записки. Давно хотелось написать о своём полуголодном послевоенном детстве. Эта тема мне очень дорога. Воспоминания о родном Бугуруслане, о матери Клавдии греют душу до сего времени. Мне скоро 66 лет исполнится. Думаю, что пора. Этими записками как бы ставлю в своей жизни «предел».

БУГУРУСЛАН

Много лет мысли о Бугуруслане, воспоминания – как луч солнца среди серых лохматых туч, как неожиданная мелодия, затрагивающая самые потаённые уголки души. Сергей Тимофеевич Аксаков называл слово Бугуруслан «знаменательным и звучным именем». Бугуруслан... Б,г – звонкие согласные; р,л,н – сонорные, тоже звонкие; три гласных «у». Звучное, звонкое, благословенное имя. Оно, конечно, созвучно с именами Бугульма, Бузулук. Однажды в школе на каком-то воспитательном часе обсуждали, что означает это слово. Помню, что говорили долго и много. Но запомнились только слова одноклассника, детдомовского мальчика, Сергея Бородкина, хулигана и неслушника, для которого не су-

ществовало никаких запретов. Вот он и крикнул: «Богу русскому слава!» Все засмеялись как очередной смелой выходке. А вот запечатлелось... Бугуруслан... За этим словом я как бы слышу звон говорливых ручьёв, с холмов сбегających, шумящих потоками – чем ни ниже по склонам, тем многоводнее, шумнее и темнее. По всем улицам бегут весной говорливые ручьи, шумят, радуются жизни... Бугуруслан... Светлое, благозвучное, чистое слышится в этом имени.

СЕМЬЯ

Отец мой, Старостин Михаил Трофимович, 1905г., родом из деревни Егорьевки Ново-Мертвовского с/с Секретарского (Северного) района. Из семьи середняков. Тётка Екатерина «сказывала», что жили не богато, не бедно: к соседям обедать не ходили. Отца, Трофима Степановича, звали тятей, снох – сестричками. В памяти сохранилась фотография, на ней моя бабка по отцу Прасковья в длинном темном платье с белой манишкой, отец стоит рядом в возрасте лет 10-9. Отец мой закончил курсы, и стал сельским учителем. Полюбил Дуню Леонтьеву из кулацкой семьи. Они кинулись в ноги к отцу Дуни и сказали, что Дуня беременна. На самом деле этого не было. Отец их благословил и поставил «связь» – пристрой к избе. Родился сын Пётр. Когда ему было 4-5 лет, Дуня умерла. Михаил Трофимович учительствовал. И вместе с маленьким сыном уехал на заработки в Узбекистан, откуда вернулись перед самой Великой Отечественной войной. Петру было 14 лет. В дороге, где-то на желез-

нодорожной станции, отец пошёл в уборную и выронил все свои сбережения (почти 5 тысяч – большие в то время деньги), всё, что заработал на чужбине. Михаил Трофимович где-то нашёл мою мать, Писареву Клавдию Ивановну, родом из деревни Борисовки под Бугурусланом. Этой деревни, так же, как и Егорьевки давно не существует. Она родилась в Бугуруслане. Дом Ивана и Аграфены стоял на берегу реки Турханки, недалеко от красного моста. Дед Иван был извозчиком. Зарабатывал на хлеб с лошадьё: возил пассажиров на станцию, делал перевозки грузов и прочее. Мать моя Клавдия сколько училась, не знаю, но грамоте разумела. Няничла детей своей старшей сестры Василисы: Димитрия, Екатерину, Петра. В 1930 году выдали её замуж за Ратанова Иллариона, потому что у Ратановых была мельница и они были с хлебом. Чтобы не умереть с голоду, пошла замуж. Илларион пил безбожно. В 1932 году родился сын Пётр. Мать с мужем разошлась. Перед войной встретила с моим отцом. Образовалась семья с двумя детьми: Петька Большой (Старостин) и Петька Маленький. Петька Маленький возненавидел лютой ненавистью отчима и сбежал из дома – скитался по чердакам. Пётр Большой, начиная с 14 лет, стал работать в Бугуруслане в «газовом промысле». Сначала подручным при подведении газа, потом шофёром, потом оператором, потом уехал на работу в Султангулово, потом в Рязановку Оренбургской области. Там были газовые скважины, которые надо было обслуживать. Пётр Михайлович прожил достойную

жизнь: трудился не жалея себя, был хорошим семьянином, любил детей, дочек Валю и Галю. Заслужил орден Трудового Красного Знамени. Не имея образования, носил звание инженера-майора, так как служил (уже в Оренбурге после г.Похвистнево) в газоспасательных частях. Я гордилась, что у меня знаменитый брат.

Петька Маленький закончил в Бугуруслане ремеслуху, получил квалификацию бурильщика и уехал работать в Ефремово-Зыково Оренбургской области. До армии женился. Родилась дочь Клава. Взяли в армию. Служил в Восточной Сибири, где-то у озера Байкал. Там встретил другую женщину, чуть не женился на ней, но вернулся домой к Ане, которая любила его всю жизнь и которая прощала ему всё: похождения на сторону, пьянки-загулы. Работая бурильщиком, подчинял своей воле твердь Земли, добывал для страны богатство, а жил в нищете. И не только потому что пил, а потому ещё, что не подличал, не пресмыкался, не заискивал перед начальством. Потому и карьеры не сделал.

ОТЕЦ И МАТЬ. ПЕРВЫЕ ДЕТСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.

Перед войной встретились родители. По рассказам двоюродной сестры Зины, люди они были привлекательные. Клавдия Ивановна любила Михаила Трофимовича. – За что? – грамотный был. Мама, Клавдия Ивановна, кормила в первую очередь отца и Петра Большого. Посадит их за стол и пока отец не наестся, никого за стол не сажала. Годы были тяжёлые: голодно, одежды, обуви не было. Ходили кое в чём. Ни-

щета была вопиющая.

Клавдия Ивановна давала «на выход» иногда Пете Большому свой выходной пиджак. Однажды он без спросу взял одёжку. Клавдия Ивановна очень сильно ругалась и, даже, возможно, поколотила Петра. Пётр Михайлович ни разу в жизни ни одного худого слова о Клавдии Михайловне, своей мачехе, не сказал. Такой он был человек. Незлобливый, незлопамятный.

Как-то приехал к нам Петя Большой. Родители собрали застолье. Я буквально повисла на Пете, не слезала с его колен, и в тот памятный день произошло нечто, заставившее полюбить его ещё больше, проникнуться чувством благодарности на всю жизнь. Было мне уже 5 лет и во время застолья я захотела в туалет по-маленькому, но по какой-то причине не слезла с колен, а насикала прямо в то , в чём была. Тепло пролилось к Пете. Жду: сейчас он поднимет шум, скинет меня как кошку. А Петя только крикнул, но промолчал,— никому ни слова!

Всё же негативное отношение к себе Петя, конечно же, чувствовал. Пете нравилась Катя, племянница матери и даже были разговоры о свадьбе. Но Клавдия Ивановна, жалея Катю, встала неприступной стеной: нет не будет этого. Вообще в судьбе Кати моя мать принимала очень активное участие: от первого мужа увезли её вместе с приданным на лошади. А когда было второе замужество, помню, как из нашего дома несли в дом в бабе Васёне на Боевую улицу большие листы

с пирогами над головой. Мать решала чужую судьбу сплеча, действовала решительно. Катю, видимо, она очень любила. В семье крёстной тётки Васёны дети звали мою мать няненькой.

ВОЙНА. Детство.

Когда отца забирали на фронт (ему было 37 лет, а до этого он участвовал в Финской войне 1939-1940гг.), мать была в роддоме. Ему сушили в дорогу сухари. Жили мы на улице Чапаевской. Сколько мне было от роду, не знаю, но хорошо помню лежащей себя напротив стенки, оклеенной уютными обоями. Помню часы то ли с кукушкой, то ли просто с длинной цепью и шишками в качестве груза. На той квартире запомнилась мне тишина, покой, умиротворение. Мамочка кормила меня своим молоком, ухаживала, фотографировала и посылала на фронт фотографии.

Помню, что выводили меня гулять на улицу, на лавочку. Тогда у каждого дома была лавочка, а если дом не бедный, то ещё и парадное крыльцо украшало жилище. Дом хозяев был модный крепенький, выкрашенный краской, с парадным крыльцом и лавочкой. Лавочка тоже крашеная и уютная. Из соседнего дома тоже выводили девочку и выносили корзиночку с лоскуточкам. На солнцепёке, в тихую, ясную погоду мы с соседкой играли.

Шла война. Петя Большой устроился в газопромисел, он помог найти жильё подешевле. Новая квартира была на ули-

це Ленинградской в квартале между ул. Транспортной и Ворошиловской, напротив городской гостиницы. Квартира наша представляла собой недостроенный особняк, который должен был состоять из полуподвала и первого этажа, но по какой-то причине этаж не построили и то, что получилось закрыли крышей. Вышел полуподвал довольно просторный, сырой и холодный. В глубине двора жила хозяйка в деревянном ухоженном доме. Дом был среди огорода. За изгородью уже была территория артели «Красные бойцы». Там всегда работала какая-то машина. Машина эта монотонно гремела железками: делали просечки в металлических полосках для изгородей. Стучали молотки, ладили вёдра, замки и прочие скобяные изделия.

Во дворе хозяйки было уютно. Летом туда не разрешалось ходить, а зимой, в снегу, я играла: лопатой проделывала ходы и «строила» город, колхоз. Часами я возилась в снегу. А летом любимым местом игры были пенёчки у ворот. В выемках в столбах на тёплом дереве мне нравилось играть.

Петя Большой провёл газ, и стало в подвале тепло. Клавдия Ивановна как могла, создавала уют. У нас была просторная комната, где стояла кровать родителей, стол, над столом большой портрет Суворова, другой стол (не для еды). Там стояли открыточки для красоты. Помню, на одной из них были изображены землеройные работы. Много людей что-то строило. На переднем плане – баба в платке корячится – толкает огромную деревянную тачку с одним колесом, на-

груженную землёй. На другой открытке – Москва после дождя: всё блестит, улица, машины, и на переднем плане женщина за рулём в автомобиле с открытым верхом. Женщина видна сзади. У неё короткая модная стрижка, лёгкое красивое платье. И хотя мы видим её сзади, ощущаем, какая она молодая, счастливая. Дальше стоял шкаф. В платяном отделении внутренняя сторона была вся изрисована мною. Туда я залазила и упражнялась. Всё было чисто, убрано и пусто. Над кроватью висел ковёр, подтверждающий вкус матери и её стремление к прекрасному: на чёрном фоне две балерины на пальчиках напротив друг друга и танцевали па. За перегородкой была кухня: голландка – плита, стол, топчан, ванна цинковая, ведро и прочее. Где я спала, не помню. Наверное, на кухне. Из нашей комнаты дверь была прямо у кровати родителей. Дверь была двустворчатая. Она вела в ещё одно помещение, которое уже давали мы квартирантам. То есть сами квартиранты, а у нас ещё квартиранты. В одной комнате сразу за стеной жил электромонтёр дядя Лёша с семьёй. Его жену помню только в связи с тем, что она завязывала мне шнурки ботинок, когда я тайком от матери воровала их, чтобы идти в «город». Дядя Лёша был спокойный и добрый. Он варил суп-лапшу, поджаривал лук на постном масле и заправлял, а потом наливал мне, и я с удовольствием ела: выхлебаю сначала жидкость, а потом самое вкусное ем – лапшу с картошкой и луком. Жили голодно. Мать варила мне в кружке манную кашу и оставляла с Петькой Малень-

ким. Петька съест кашу сам, а мне нажует ржаного хлеба в марлю и суёт в рот.

Петька Маленький ходил на улицу играть с пацанами в «чеку». Надо было подкидывать внутренней стороной ступни чеку – кусок кожи с мехом, привязанным к металлической бляшке. Петька выигрывал много мелочи. Однажды Клавдия Ивановна сказала, что нет денег на хлеб. И я отдала ей мелочь, которую выпросила у Петьки. Так всё открылось. Петьке влетело. А мне Петька погрозил кулаком и сказал, что больше никогда ничего не даст.

Однажды Клавдия Ивановна куда-то уезжала и наказала Петьке сходить в столовую, где она работала, за едой с судками для первого, второго и третьего блюда. А Петька заболел и приказал мне идти. Было мне года четыре или чуть больше. Дело было зимой. Я и отправилась. Шла – шла, смотрю, люди бегут, бегут. Что такое? – Пожар! Господи, Боже мой! Это же ужас! Я тоже туда же! Стою в толпе. Кто кричит, кто судачит, кто спасает, кто заливает. Я стояла, пока любопытство не иссякло. Побрела в столовую. Там мне всё дали, и я обратно намылилась. Брела-брела. Долго. Было очень скользко, а в Бугуруслане тогда тротуары были выложены камнями-дикарями, очень неровные. Так-то скользко, да ещё камни эти! Я и навернулась почти у самого дома. Мои судки покатались по тротуару: куда я, куда посуда. Собрала всё; явилась, не запылилась. Во-первых, очень долго ходила; во-вторых, без еды. Вот Петька бесился!

А однажды Клавдия Ивановна послала меня за дрожжами на хлебозавод, который был на нашей улице (теперь там какой-то банк), написала записку какой-то знакомой тётеньке, чтобы мне беспрепятственно выдали приличный кусок сырых дрожжей. Записку мне положили в карман пальто. Надо же сказать про пальто! Это пальто справил мне мой любимый брат Петя Большой. Никогда его не забуду! Сшито было из плаща (Ну и что?!) с подкладкой, воротником из ниток и с двумя накладными карманами! Я совсем красотка была в этом пальто! Так вот я и пошла за дрожжами. Что было в моей голове, сказать трудно (недаром потом моя любимая учительница звала меня спящей царевной), только приплелась я на хлебозавод. На проходной меня пропустили, попала я к каким-то тётенькам и начала просить дрожжей. Тётеньки ничего не понимают. Записку-то я забыла вытащить. Пожалели меня и дали маленький кусочек дрожжей, с чем я и явилась. Мать и другие взрослые недоумевали и даже подняли шум: почему так мало дали?

В те военные годы колонок на улицах не было. А на перекрёстках стояли будки с кранами. На углу Ворошиловской и Ленинградской стояла такая будка. Помню себя с кем-то из взрослых женщин. Вот мы стоим в очереди за водой, подошли к крану. Тётенька из будки выглядывает и открывает кран.

Как-то Петька меня летом купал в корыте. Налил воды во дворе, меня раздел, а я и убежала голая на улицу. Во вре-

мя войны асфальта не было, автомобилей было очень мало. Пройдёт полуторка, нагазует. А я нюхаю, нюхаю, нравился мне запах бензина. (Тут же вспоминаю в конце 90-х мои последние курсы в Самаре: июль, жара 30 градусов и выше, асфальт плавится, автотранспорта – потоки и смог над городом, и нечем дышать, и голова то и гляди лопнет от боли...) Помои выносили к дороге под окна и выливали... Кругом на улице зелёная трава, даже на дороге. (Вспоминаю картину «Московский дворик» Поленова. То же – трава, зелень кругом; а женщина выплёскивает помои.) Вот я и выскочила со смехом, а Петька бегом за мной. Вообще бегала я летом почти голая. Какое-никакое платьишко было, а трусов уже не было. Ноги босые, в цыпках. В соседях жили две вредные девчонки, задерут мне подол и дразнят: «Бесштаный рак полез в овраг».

Взрослые купили мне какие-то ботиночки со шнурочками. На вырост, разумеется. И спрятали в сундук. О сундуке особая речь. Он стоял рядом с выходом из комнаты и был мне очень интересен. Во-первых, из него по-особому пахло. Во-вторых, в сундуке лежало портмоне (я называла «поркманет»), там же была какая-то ручка, я звала её «писаручка». В-третьих, там от меня прятали ботинки. И когда с подругами по улице мы собирались в «город», то мне позарез нужны были ботинки. Не пойдёшь ведь в люди босой! «Городом» называлась та часть Бугуруслана, которая в центре возле Ленинского садика, то есть два квартала вверх по хол-

му. (Весь город в холмах и оврагах). Вот тогда-то и обращалась к жене дяди Лёши-электромонтёра, завязать шнурочки. Возвращала ботиночки, конечно же, грязные и закладывала обратно. Клавдия Ивановна, разумеется, обнаруживала моё коварство, а я усиленно отнекивалась. Вообще с детства привыкла не сознаваться в грехе, за что отец порол.

Мать свою я очень любила. Ждала, сидя на подоконнике: смотрела, когда пройдут её ноги мимо окна и кидалась к двери. Клавдия Ивановна входила, я утыкалась ей в колени – такого была роста. У Клавдии Ивановны были белые сапоги на чёрных каблуках из фетра. Холодные, конечно. Она чистила их манкой. Хранились они под родительской кроватью. Это я доподлинно знала, по-видимому, лазала по всем углам – пыль собирала. Судя по фотографиям, Клавдия Ивановна старалась одеваться прилично. Это и по сёстрам видно. Катя и Зина одевались опрятно. Клавдия Ивановна всегда была занята, всегда ей было некогда. Не помню её ласкающей, целующей. Видимо, не в обычае было. И крёстная – так же. Но это не значит, что они меня не любили. Мать нужна была как воздух, как сама жизнь.

Однажды я пересчитала носом все ступеньки в наш подвал, а их было 10 – испугалась и страшно орала. Клавдия Ивановна схватила на руки, прижала к себе, а я ещё громче давай орать. Клавдия Ивановна отшлёпала по попке и поставила на пол – я замолчала. Время было жестокое. С нами не сюсюкались.

Лет с пяти я познала вкус свободы. Любила улицу до самозабвения. С подружками лазили по лужам, по грязи весной и искали цветные стекляшки. Собирали коллекции – у кого красивее. Особенно охотились за черепками с золотыми полосками. Солнце весеннее ласкает, бегут ручьи, птицы щебечут и мы счастливые, мокрые от луж. Помню весенний вечер, уже темно, меня искали. Крёстная Васёна потихоньку на кухне сняла с меня всё мокрое насквозь: штаны, чулки, боты. Добрая крёстная моя, царство ей Небесное! Когда подсыхали наши бугурусланские тротуары, ручьи утихали, начиналась пора ещё счастливее! Это игры в классики, со скакалкой. Страна детства... Мир познания, открытий. Всё было интересно. Не помню, чтобы с кем-нибудь дралась. Подруги были, но не помню их.

Вышла я на Турханку. Зима. Речка замёрзла. Была как стекло. И меня угораздило ляпнуться об лёд затылком. Крику было! А зимой все дети бежали кататься на горку не на улицу Ленинградскую, а на слободу. Так завидно было! У нас санок не было. И Петька срубил их из досок, кое-как обстругал. Тупые, конечно, были. И повёл меня кататься. Первый раз сел сам, посадил меня на колени и поехал, правил, конечно, потому что санки были «неверные». А во второй раз посадил меня одну и толкнул с горы. Я понеслась, страшно было. И санки мои поехали в сторону, и ногами я воткнулась в забор. Было больно. Орала, что было мочи.

На углу Транспортной и Ленинградской стоял большой

дом, густонаселённый разношёрстным народом. Было много квартирков. Возможно, это был доходный дом. В том доме в малюсенькой комнатке жила семья тёти Насти Курноски, двоюродной сестры Клавдии Ивановны. У тёти Насти было две дочки, с которыми я дружила. Помню однажды у них я ела картошку со сковородки. Картошка была на воде, но вкусная. Я тогда поразилась, в какой тесноте живёт семья: кровать, плита и всё. Вдруг заходит инспектор по проверке электролампочек и обнаруживают у тёти Насти лампочку не на 40 Ватт, как полагалось, а больше. Составили акт. Я запомнила дядьку. И как-то мать и отец дома были. Смотрю, тот дядька идёт, я говорю: «Идёт инспектор». Отец сразу вскочил на табурет, лампочку на 150 Ватт вывернул, положил под покрывало на кровати и ввернул маленькую. Инспектор заходит, проверяет, всё в порядке, уходит. Отец потом и говорит: «Надо же, предупредила, вот молодец». (Стало быть, не Павлик Морозов... Но тогда я ещё пионеркой не была и было мне лет пять.) Так вот, в том доме на углу жила женщина-мастерица, которая делала своими руками искусственные цветы, игрушки для ёлки и прочее. Делала цветы из цветной бумаги. Щипцы у неё были специальные, она их нагревала. На проволоку накручивала бумагу и выделяла цветы удивительной красоты – синие, белые, красные, махровые и прочее. На проволоку вращательным движением наматывала белую нежную вату и получались фигурки людей. Потом клею их обмазывала, и они блестели. Свою продук-

цию женщина продавала на базаре. Нас, ребяташек, она допускала в свою маленькую комнатку, где всё было в бумаге, проволоке, клее. Разрешала смотреть и даже пробовать мастерить самим. Помню радость от того, что своими руками сделала какой-то простейший цветочек. Дом тот скоро как-то прекратил существование. Тётя Настя с семьёй переехала на улицу Транспортную в полуподвал. Там муж тёти Насти чинил на дому обувь. Он был неразговорчивый, делал грязную работу и был рябой. Тётя Настя работала банщице в городской бане.

ДОМ ЛЁТЧИКА И ЕГО ЖЕНА.

На нашей улице Ленинградской, на пересечении с Ворошиловской стоит и до сих пор дом, который мне очень памятен. Дом каменный с красивыми занавесками, и никогда не видно было никого вокруг этого дома и в окнах. Только я знала, что там живёт лётчик со своей женой. Для меня это были небожители, святые. Его никогда не видела, а её – это был как гром среди ясного неба! Женщина небывалой красоты: высокая, стройная, талия тонкая, каблуки высокие, на плечах белая паутинка, на голове замысловатая высокая причёска, а лицо! А глаза! Божественные черты... Красавица писаная. Глаза большие, голубые, задумчивые. Это был для меня эталон женской прелести.

ДОМ САПОЖНИКА.

Недалеко стоял дом – скворечник, густонаселённый бед-

нотой, и на первом этаже жил сапожник. Он варил клей. Из чего, не знаю, но вонь стояла нестерпимая. Детей у сапожника была куча. Про них говорили, что они так бедны, что в ночном горшке суп варят. Так, что на фоне общей нищеты, голи перекатной, лётчик с женой были как с неба опущенные. Хотя кто его знает, кто с неба...

ДЕТСКИЙ САД.

Неподалёку был детский садик(Этот дом и сейчас стоит),я в него ходила. Воспоминания о садике остались очень грустные. Помню запах новой клеёнки на столах. Воспитательница заставляла хором благодарить за еду заведующую(?): «Спасибо!» Тогда уж я понимала, что воспитательница льстит заведующей. Помню запах ржаного хлеба. Суп давали всегда с салом, а я его не ела. Я спросила у нянечки: «А куда девать сало?» Она и говорит : «Клади Богомолу» (мальчик-татарин с улицы Транспортной, потом мой одноклассник и сосед). Я так и сделала. Как только мне налили тарелку, я тут же сало – раз в тарелку Богомолу, а он хлясь обратно в мою тарелку – брызги, шум. Из еды помню только одно вкусное – абрикосы из консервной банки. Это я ела с удовольствием. Помню, все дети сидят кружком и воспитательница вызывает читать стихи, и я встала и прочитала от начала до конца басню Крылова «Ворона и лисица». Воспитательница похвалила. Спросила: «Тебя кто научил? – Петька!» Никогда не забуду (и это плюс к теме «Детский сад», остальное всё – минус), как дяденька артист приезжал и чи-

тал наизусть сказку про глупого мышонка. «Прибегает мышка-мать тётю лошадь в няньки звать» И дядя артист загребаёт по полу ногой, изображая лошадь. Я ещё тогда подумала: такой большой дяденька, а таким несерьёзным делом занимается». А однажды был настоящий кукольный театр. Это было потрясение! Кукла – дед топором дрова рубит! Стояла высокая ширма и наверху куклы двигались. Однажды меня некому было взять из садика. Всех разобрали, все ушли, и я осталась со сторожихой до ночи. Кто-то потом пришёл, но я сильно плакала. На Новый год всем девочкам из нашей группы выдали костюмы снежинок, а мне не досталось, и меня нарядили в матросский костюм, как мальчика. Праздник был испорчен. Наверное, я не лезла в глаза, не ластилась, не просила, вот и осталась в стороне. Перед обедом нас сажали на горшки, когда мы приходили с прогулки. Приучали, что после обеда идти на горшок неприлично(?). Днём спали на раскладушках. Воспитательница велела лечь на правый бок, а ладошку под щёку. (Я и до сих пор так сплю). Детсад я не любила. Наверное, потому, что воли не было, но я смирялась, слушалась.

ПЕТЬКА МАЛЕНЬКИЙ.

Наверное от Петькиного «воспитания» меня отвели в детсад. А Петька запомнился, как он как он на своих белых ровных зубах наигрывал ногтями рук песни. Меня отлупит, я реву, а он встанет на руки вверх ногами и пошёл по подвалу – я и замолкаю. Любил Петька море, мечтал плавать по морям,

пел песню «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает». И ещё любил заунывную: «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах, бродяга, судьбу, проклиная, тащится с сумой на плечах»... Петька знал стихи Пушкина наизусть. От него слышала: «Ещё одно преданье, и летопись окончена моя». Пока он меня «воспитывал», я привязалась к нему и гонялась за ним с ором, нигде не отставала. Особенно мне нравилось на рыбалку с ним ходить. Далеко, за гору, на речку. По-видимому, красота родной земли вошла в меня в этом возрасте, только не помню, происходило всё на подсознательном уровне. Когда стала старше и с крёстной Васёной ходила на дойку, оценила те места: урема, запах цветов, чистой и быстро текущей воды, солнечные блики... Мы с Петькой ходили, по-видимому, отоваривать карточки на продукты (была карточная система), и вот однажды приходим в тот двор, где это происходило, а двор усыпан бумажками. Люди, счастливые, кидают свои карточки, и их разносит ветром. Карточная система закончилась, начались долгие стояния в длинных очередях за хлебом. Все годы (конец 40-х и 50-е) я только и знала, что стояла в очередях за хлебом – и в магазине «Красные бойцы», и в центре (где сейчас дворец культуры), и в Рязановке (где гостила летом). Запомнился один мальчик, он тоже, видимо стоял в очереди. А ждать было долго. Мы, дети находили себе игры, уходили от магазина в соседние дворы. И вот во дворе напротив мальчик лет пяти присел покакать, и у него выпала прямая

кишка. Мне на него указали другие дети. Малыш сидел на корточках и плакал. Я помогла, как умела: подошла и своей рукой осторожно стала заправлять кишочку. Помню, что она была в пыли.

Так вот о Петьке. Было ещё одно грандиозное событие в 1947 году: не только отмена карточек, но и смена денег. Старые деньги мне были знакомы. Петька показывал мне рубль, мы его тщательно рассматривали: в углу купюры был изображён солдат в каске. И вот Петька собрался на рыбалку и я за ним. А ему надо было отвязаться от меня, он и говорит: «Вот тебе рубль, беги за мороженым». Я знала, что деньги эти уже бесполезные и говорю Петьке об этом, а он: «Сегодня ещё можно, а завтра будет нельзя». Бежать надо было «в город», то есть два квартала вверх. У меня только пятки засверкали. Выбегаю на улицу Революционную к зданию прокуратуры, где обычно стоял лоток: стол, весы, стаканчики вафельные и на тротуаре бочка со льдом, а в середине ёмкость с мороженым. Подлетаю к молоденькой продавщице, а рядом с ней стоит молодой человек и они «заигрывают». (Это я уже понимала). Продавщица и говорит: «На эти деньги вчера можно было купить». Как? Обман! Ложь преднамеренная! Я кидаюсь со всех ног, чтобы раскрыть коварство и догнать беглеца. И, конечно же, не застаю. Орала я на весь квартал. Клавдия Ивановна при всём том присутствовала. Петька Маленький был пронирой, страшным хулиганом, чуть ли не бандитом. В моде были наколки. Петька и

его друзья были очень увлечены этим занятием. Накальывали себе рисунки на груди, на спине, на руках. Им никто не мешал. Взрослых дома никого не было. Я пристала к Петьке: выколи, да выколи мне что-нибудь. «Ну что тебе выколоть, Валя?, -Ну, ладно, давай, а ты матери не скажешь?» – «Нет». Вот он на правой руке и выколол мне букву «В». Кожа вспухла, было больно. И так как я Петьке обещала его не выдавать, то когда с работы пришла Клавдия Ивановна, то я от чистого сердца решила реабилитировать Петьку. Я руку за спину заправила и убедительно говорю: «А мне Петька ничего не выколол». – «Как?! А ну покажи!» Петьке была трёпка. Прошли годы. Мы жили с Анной Тимофеевной. Стала я стыдиться своей отметки на руке. Прятала руку, носила длинные рукава. Однажды на занятии в детской спортивной школе, куда мы с девочками ходили заниматься лёгкой атлетикой, мы тренировались в саду Нефтяников: «На старт, внимание, марш!» и преподаватель учил, как надо ставить руки на полосу. А я правую руку разворачиваю, чтобы он не увидел. Он, наверное, увидел, но ничего не сказал. Меня как будто кипятком облили: с наколками, известно, ходили те, кто в тюрьме побывал. Со своим горем я пошла к крёстной: сведи хоть чем-нибудь. И моя дорогая крёстная нашла серной кислоты, которую используют при валке валенок, и капнула на руку. Боль от этого и от последующей болячки – нет ничто по сравнению с позором клейма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.